

Я ЗНАЮ МНОГО ЧЕСТНЫХ РОССИЯН. Интервью проф. Гжегожа Пшебинды (Ягеллонский университет) краковскому отделению варшавской Газеты Выборчей.

МИХАЛ ОЛЬШЕВСКИЙ: Вы также считаете, что российскую культуру следует полностью убрать из репертуара польских и европейских кинотеатров, театров, филармоний и концертных залов? К этому призвал в Люксембурге польский министр культуры Петр Глинский: „Российская культура должна исчезнуть из публичного пространства до того момента, когда закончится война в Украине”. Министр также добавил: „Сегодня не время для российского балета, не сезон для Чехова и даже Пушкина”.

ГЖЕГОЖ ПШЕБИНДА: Мне подобный образ мышления кажется непростительной ошибкой. Среди деятелей культуры, которых, как нам указывают, мы должны вырезать, есть мужественные, отважные, высокоморальные люди, героически сопротивляющиеся преступному режиму Путина, который руками своих прислужников дискриминирует их, сажает под домашний арест, выгоняет из страны, запрещает спектакли.

Или, как в случае лауреата Нобелевской премии Дмитрия Муратова, руками неизвестных исполнителей обливают краской.

– И другие люди, не находя в России пусть даже миллиметра свободы, покинув свою страну, должны столкнуться с таким же остракизмом, но уже в Польше? Вы представляете себе, как Ежи Гедройц, Юзеф Чапский или Густав Герлинг-Грудинский призывают к бойкоту Натальи Горбаневской, Виктора Некрасова или Владимира Буковского за то, что Советский Союз напал на Чехословакию?

Возможно, в борьбе за правое дело мы как народ попали в антироссийский амок. И одним миром мажем всех россиян – и восхваляющих Путина, и протестующих против его политики.

– Борьба за правое дело не освобождает от необходимости думать и различать очевидное. Мне трудно поверить в то, что звучит в выступлениях таких, как, к примеру, вице-маршала Сената Михала Каминского.

Вы имеете в виду выезд в Бучу?

– Варлам Шаламов, автор потрясающих воображение «Колымских рассказов», человек, познавший на собственном горьком опыте, что такое лагеря, когда-то написал: лагерь – тот опыт, которого у человека никогда не должно быть. То же можно сказать и о резне в Буче. Однако то, что эта трагедия все же случилось, не должно давать оснований для формулирования определенных оценок и мнений. По утверждению Михала Каминского, после того, что он увидел в Буче, он никогда не напишет слова «русский» с заглавной буквы – так, как этого требуют правила польского языка. По словам вице-маршала, ему будет теперь трудно подать руку кому-либо, кто называет себя русским, россиянином. Подчеркну: кому-либо. Для меня это непонятно. Даже тем россиянам, которые оплакивают резню в Буче, ощущают на себе безмерность этой трагедии куда сильнее нас – потому что берут на себя значительную долю вины за случившееся?

Такие россияне есть? Или Вы имеете в виду несколько исключений, лишь подтверждающих правило?

– Да, такие россияне есть, и можно долго перечислять фамилии честных россиян, которым не просто можно – нужно пожать руку. Я занимаюсь Россией уже давно – с 1978 года, и мне кажется, я кое-что о ней знаю. Например, я мог бы быстро собрать подручный каталог империалистов, а также имперских мотивов в русской культуре – их много, и они лишь подтверждают правоту общего суждения и восприятия сегодняшней России. Совершенно понимая возмущение поляков, я, тем не менее, считаю куда более полезным сегодня заняться поиском тех россиян, которые сражаются с моделью имперской России и зачастую платят за это высокую цену. К примеру, должны ли мы писать со строчной буквы имя Ивана Вырыпаева – прекрасного российского драматурга и режиссера, который уже давно живет и работает в Польше? Его пьесы весьма ценились в России, но это уже в прошлом: Вырыпаев заявил, что эта война – позор для России, и теперь спектакли по его пьесам в России запрещены. А что с журналисткой-расследователем Еленой Костюченко? Что с

Борисом Гребенщиковым из группы «Аквариум», что с Гарри Каспаровым, Юрием Шевчуком, Андреем Зубовым, Юрием Пивоваровым, Николаем Сванидзе, Борисом Акуниным, Виктором Шендеровичем, Дмитрием Быковым, Людмилой Улицкой, Дмитрием Глуховским? Давайте не делать врагов из наших друзей.

Как народу достается также и живущим в Польше белорусам.

– И поэтому я считаю, что нам нужны действия, которые сделают очевидной разницу между жертвами режима и его строителем или соучастником. Совсем ведь недавно мы оказывали поддержку белорусской оппозиции в их борьбе с режимом Лукашенко. Сегодня многие поляки относятся к белорусам так, как будто они априори поддерживают преступления в Украине. Пишущую на русском белорусскую лауреатку Нобелевской премии Светлану Алексиевич мы также должны бойкотировать?

Одним из элементов польского возмущения и антироссийских настроений стало решение Института Адама Мицкевича, который после начала войны решил закрыть российскую программу и заменить ее украинской.

– Неизвестно, насколько это решение исходило именно от руководства института или все же зависело от министра Глинского. Так или иначе, российская секция ИАМ прекрасно справлялась с ролью популяризатора польской культуры в России. Насколько мне известно, все сотрудники открыто выступили против войны. И подобное решение не просто неэтично – это кардинальная геополитическая ошибка, в результате которой польская культура перестанет доходить до России. С этим связано явное желание исключения из польского культурного пространства русского языка – ведь это якобы язык оккупанта, а также россиян, занимающихся в Польше культурно-просветительской деятельностью. Все это приведет к обеднению наших знаний о том, что происходит на Востоке. Обладать знаниями будут лишь те, кто знает русский язык. И я даже не хочу говорить о том, что это значит для тех россиян, которые, протестуя против войны, по-прежнему живут в России. Они почувствуют себя в еще большей изоляции. А о том, как поспешно принятые решения могут зачастую обернуться серьезными ошибками, свидетельствует, в частности, опыт студентов и преподавателей Института восточнославянской филологии Ягеллонского университета – учебного заведения, в котором я работаю. У нас преподаются три языка: белорусский, русский и

украинский. Наши волонтеры, работавшие на краковском Центральном вокзале, рассказывали, с каким облегчением с ними общались по-русски беженцы с восточной Украины. Русский – язык, на котором они воспитывались и выросли. Закрытие каналов передачи достоверной, свободной от манипуляций информации – не устаю подчеркивать – является большой ошибкой. Я недавно начал вести собственный канал на сервисе YouTube (Przebindapisze youtube), где публикую беседы с российскими деятелями культуры, эмигрантами, противниками Путина. И что оказывается? Судя по комментариям, видео на канале охотно смотрят и россияне, и белорусы, и украинцы. Беседа с Акуниным набрала уже более 170 тысяч просмотров. Прекрасный пример здравого подхода – выступление президента Словакии Зузанны Чапутовой: призывая завершить эту страшную войну, она обратилась к солдатам и военачальникам Путина именно по-русски.

Что нужно сделать, чтобы взгляд поляков на Россию был более разносторонним, более объективным? Чтобы Владимир Сорокин, назвавший Путина «чудовищем» и, вероятно, уже более никогда не смогуший вернуться в Россию, не сливался в сознании польского обывателя с вокалистом группы «Ленинград», который после введения санкций сравнил россиян с евреями во время Второй мировой войны? Или с Захаром Прилепиным, прекрасным писателем, бесконечно преданным Путину?

– Для начала я скажу о том, что для меня совершенно немыслимо. Польские русисты получают сигналы, в том числе от украинской профессуры, относительно того, какими темами заниматься, а каких избегать. Для меня немыслима цензура, прямые или косвенные запреты. Пока существовала великолепная радиостанция «Эхо Москвы», я с растущим раздражением, но все же слушал интервью с Александром Прохановым...

Известным российским писателем, журналистом и открытым националистом.

– «Эхо Москвы», полагаю, делало эти интервью исходя из принципа плюрализма. Проханов был уверен, что войны не будет, поскольку время для нее было 8 лет назад. Он совершенно верно предвидел, что в случае войны Украина будет мужественно защищаться, а российские солдаты начнут возвращаться домой в гробах. Другое дело, что когда война всё же началась, Проханов впал в состояние амока и абсолютно ее

поддержал. Зачем я об этом говорю? Проханов является голосом достаточно большого пласта русского общества, одним из рупоров общественного мнения. Мы можем пытаться это мнение игнорировать, можем затыкать себе уши... Но я считаю, что лучше все же слушать – чтобы знать, что происходит в умах многих, увы, россиян.

А Захара Прилепина мы должны читать? Прекрасный писатель, ветеран чеченской войны, нацбол, когда-то критиковавший власть... восхищённый этой войной. На его глазах Россия вновь обретает величие.

– Не думаю, что сегодня кто-либо собирается переводить его на польский. Собственно, с учетом его шовинизма в этом нет никакой нужды. В то же время, я не представляю себе ситуации, в которой кто-либо будет запрещать мне интересоваться этой фигурой или станет проклинать на чем свет стоит за то, что я хочу знать, какие пути-дороги привели Прилепина в 2014 году на Донбас, а сейчас – во фронтовой тыл. Нужно знать, что думает российское общество, о чем думают его ярчайшие представители, что происходит на российском телевидении. Эффектом же незнания является отсутствие реакции на угрозы, исходящие от российских политиков, призывающих на ток-шоу бомбить Варшаву. Если принимать за чистую монету заявление польского министра справедливости Збигнева Зёбро, который хотел бы судить Путина, то этого надо еще подождать. До процесса над Путиным долгий, к сожалению, путь, но можно ведь начать судебное преследование российских политиков, призывающих публично к уничтожению столицы Польши. В случае необходимости я охотно помогу с конкретными персоналиями...

С другой стороны, в польском сегменте Интернета доступны новейшие публикации Александра Дугина, одного из идеологов украинской кампании. Эти публикации весьма неплохо переведены на польский язык и не сопровождаются какими-либо комментариями. Конечно, хорошо знать, что говорит враг, но в то же время это и предоставление ему трибуны.

– Не нужно наивно полагать, что текст был опубликован, чтобы сорвать с Дугина маску – это было сделано в рамках поддержки. У Дугина среди представителей польской «элиты» есть сторонники. Недавно профессор Ягеллонского университета на пенсии на страницах правой прессы повторила практически слово в слово его аргументацию,

пытаясь убедить общественное мнение, что цель войны – расширение границ Московского патриархата, а Москва – единственный оплот христианской цивилизации. Это не те взгляды, с которыми можно или нужно полемизировать – ими должны заинтересоваться люди, которым дорого благо страны.

Речь о профессоре Анне Разьны, русистке, члене комиссий ПАУ и ПАН, члене ученого совета школы о. Рыдзыка. Я принципиально против цензуры, но, читая попытки оправдать содеянное во время войны российскими солдатами, начинаю задумываться над тем, должна ли быть граница у свободы слова.

– Я не могу поверить, что автор тех публикаций осознает то, что произошло в Буче. Не верю и все. Полагаю, что она попросту потеряла связь с реальностью, и насилие и убийства не отобразились в ее сознании. В то же время, совершенно определенно, она – единственная женщина в Польше, которой Путин может спокойно доверять. Для меня же важно другое. Госпожа профессор принимает участие в работе важных научных организаций. Как это возможно? Здесь нужна не цензура, а совершенно определенная реакция научного сообщества. Реакция, которой – замечу – по-прежнему не последовало.

Мы всё время говорим о том, что поляки обобщают Россию и русских, не пытаюсь искать тех, с кем нужно вести диалог. Однако похожий подход виден и в случае Украины. Максим Левада, ведущий в Киеве военный дневник, написал недавно в «Газете Выборчей», что у русского народа «нет собственной культуры», а лишь набор заимствований, благодаря которому Россия стала более понятной Западной Европе. Более того, россиянам «кажется, эта культура не нужна вовсе». Единственный элемент, оказавший влияние на соседей, – «русский мат» - культура преступности и насилия.

– То, что российская культура начиная с XVIII века развивался в контакте с европейской, не вызывает сомнений. Утверждение Левады, якобы простой русский народ не нуждается в культуре, – явный перебор... Понятно, возникший из желания мести живого свидетеля зверств России в Украине. Из Украины доходят до нас голоса о том, что следует окончательно порвать с русской культурой и поставить на развитие культуры украинской. По моему убеждению, наилучшие и наиважнейшие элементы

украинской культуры в Польше представлены весьма неплохо. Я достаточно много читаю украинских авторов по-украински и в польских переводах. Вычеркивание же Достоевского, Солженицына, Булгакова (по мнению некоторых, он не был сторонником украинской независимости) не облегчит ни на йоту функционирования украинской культуры в Польше.

Одна черта российской культуры вышла сейчас на первый план – имперское чванство. Всплыло забытое было стихотворение Бродского „На независимость Украины”, полное российской спеси и презрения. „Прощевайте, хохлы! Пожили вместе, хватит./Плюнуть, что ли, в Днипро: может, он вспять покатит” или „С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухай!/Только когда придет и вам помирать, бугаи,/будете вы хрипеть, царапая край матраса,/строчки из Александра, а не брехню Тараса».

– Такой код превосходства, несомненно, существует. Бродский и сам, скорее всего, понял, какую ошибку совершил, поскольку противился включению этого стихотворения в сборники своей поэзии. Но появляются и другие фамилии. Например, Солженицын. Недавно Шчепан Твардох интересовался, участвовали ли Солженицын, написавший «Прусские ночи», в насилии, совершаемом советскими солдатами в Восточной Пруссии. Упомянутая поэма появилась в 1974 году. Когда я впервые читал ее, меня чрезвычайно впечатлили глубина и искренность описания поведения советских частей: насилие, поджоги домов, цивилизационная зависть (к слову, то же чувство возникло у русских при виде Бучи – зажиточного киевского предместья). На Солженицына следует, однако, смотреть сквозь призму истории. Как известно, под конец жизни он двукратно принимал у себя Путина. Но Солженицын умер до того, как началась война с Грузией. Конечно, сейчас оказывается, что все наши эксперты, комментаторы, политики знали, что начнется война, что русские займут Крым... Но возникает вопрос: что было сделано для того, чтобы этих войн не было? А вот Солженицын не знал. Далее: после знакомства с «Как нам обустроить Россию?» легко говорить, что писатель был противником независимости Украины и потому совершенно определенно поддержал бы сегодня войну. Так случилось, что это я издавал упомянутую солженицынскую брошюру в польском переводе, кое-что знаю на ее счет и смею утверждать: не следует трактовать Солженицына избирательно. Он писал свой трактат в 1990 году, когда еще существовал Советский Союз, и взывал

украинцев и белорусов, чтобы добровольно остались. «Конечно, если б украинский народ действительно пожелал отделиться – никто не посмеет удерживать его силой». Более того, в апреле 1981 года в одном из писем Солженицын написал: „В моем сердечном ощущении нет места для русско-украинского конфликта, и, если, упаси нас Бог, дошло бы до края, могу сказать: никогда, ни при каких обстоятельствах, ни сам я не пойду, ни сыновей своих не пушу на русско-украинскую стычку, – как бы ни тянули нас к ней безумные головы”. Разве это не усложняет совершенно определенного образа писателя, который, согласно распространенному в Польше мнению, безусловно поддержал бы Путина и войну?

Таким же образом можно проанализировать Мандельштама или Булгакова.

– И Пушкина, и Чаадаева. Осип Мандельштам в 1914 году взывал к полякам, чтобы они выступили на стороне славян. Герои булгаковской «Белой гвардии» насмехаются над украинцами, их языком – но ведь все же литературные персонажи... И в то время такова была реальность.

Тот же Мандельштам в 1930-е годы совершил литературное самоубийство, написав стихотворение против Сталина – к сожалению, чрезвычайно актуальное и сегодня: «Как подкову, кует за указом указ – Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз».

– Пример Мандельштама знаменателен. Упомянутое обращение 1914 года было результатом отрицательного отношения к милитарной Германии. Можно ли на его основании делать какие-то выводы, если мы знаем, какую цену заплатил поэт за то, что воспротивился Сталину. А Булгаков мне особенно дорог. Буча, ставшая настоящим адом на земле, была до Первой мировой войны местом отдыха семьи Булгаковых. Жители Бучи заботливо сохраняли память о писателе, родившемся в Киеве. Да, Булгаков вложил в уста своих персонажей насмешки над украинским языком. Но он же был противником каких-либо воен, хотел защитить свой дом. Я хотел бы найти в украинской или польской литературе такое же прекрасное эссе о Киеве, как то, что написал Булгаков в 1923 году. И я говорю об этом для того, чтобы показать, насколько сложна правда о русской культуре. Не помня об этом, тем самым мы наносим большую обиду россиянам и вводим в заблуждение и украинцев, и самих себя.

Мне казалось, что Польша может стать для России чем-то вроде «Радио Свободная Европа», однако пока ничего подобного не происходит.

– Я скажу об Эстонии и Латвии. Как известно, напряженность в вопросе межнациональных отношений там куда выше, чем у нас. К примеру, в Латвии получение гражданства было поставлено в прямую зависимость от владения латышским языком – вовсе не таким уж простым. Многие русские возмущались, протестовали против такого закона. Похожие проблемы в Эстонии. Может казаться, что в ситуации, когда развязана война, обе эти страны должны полностью закрыться для россиян – так, как это пытается сделать официальная Польша. Тем временем, уже много лет критикующая политику Путина замечательная российская актриса Юлия Ауг, создавшая после начала войны потрясающий спектакль, основанный на телефонных переговорах запертых в подвалах и бомбоубежищах Харькова и Киева украинцев, и вынужденная бежать из России, нашла пристанище в Эстонии. Это то направление, в котором мы должны двигаться. Это и эффективно, и правильно с моральной точки зрения. Или Чулпан Хаматова, актриса и основатель благотворительного фонда, занимающегося помощью больным детям. Она была в хороших отношениях с Путиным, даже, кажется, поддержала аннексию Крыма в 2014 г. Но после начала этой преступной войны она выступила с резкой критикой властей. И была вынуждена бежать в Латвию, где у нее дом. Латвия не закрыла для нее своей границы. Именно такие люди в состоянии вернуть нам веру в то, что возможна иная – другая – Россия. Я уверен, что перемены произойдут, и вовсе не в столь отдаленном времени.

Перевод Дмитрия Клебанова

Гжегож Пшебинда (родился 27 июня 1959 года) – профессор, филолог, русист и историк идей. С 1983 года читает лекции в Ягеллонском университете в Кракове, в 2012–2020 года был также ректором Государственного университета в Кросно, на восточных рубежах ЕС. Автор многих книг, в том числе *Между Краковом, Римом и Москвой. Русская идея в новой Польше*. Москва: РГГУ, 2013. Его тексты на русский язык переводила, среди других, Наталья Горбаневская. Вместе с женой Леокадией Анной и сыном Игорем перевел на польский «Мастера и Маргариту» М. Булгакова (2016). 3 мая 2015 года в Королевском замке в Варшаве президент Бронислав

Коморовский наградил его Рыцарским крестом ордена Polonia Restituta «за выдающиеся достижения в научной и исследовательской работе в области восточнославянских языков и культур и за поддержку международного научного сотрудничества».